

СЕМАНТИКА КАК ПРОДУКТ ОПЕРИРОВАНИЯ МЕНТАЛЬНЫМИ
МОДЕЛЯМИ
(НА ПРИМЕРЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НАПРАВЛЕНИЯ ВОВНЕ
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ)

Цзинь Тао

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Аннотация

В статье критически оценивается постулат о «семантических сдвигах» и выдвигается гипотеза о механизме генерации семантики как проявлении способности мозга создавать ментальные модели и оперировать ими. Гипотеза основывается на ряде современных концепций о когниции человека и нацелена на объяснение неэквивалентности показателя одного и того же направления движения из разных языков и «конгруэнтности» умозаключения у индивидов, обеспечивающей единство в понимании семантики при употреблении определенного показателя направления своего родного языка в тех или иных ситуациях. Гипотеза проверяется на примере показателей направления **ВОВНЕ** 出 (chu) и *вы-*. Материалами исследования служат словарные дефиниции, результаты описания семантики обоих показателей, данные из корпусов русского и китайского языка. Основной метод – сопоставительный анализ и дедукция. Выделены три критерия противопоставления закрытости / открытости: критерий **НАБЛЮДАТЕЛЯ**, основанный на визуальном восприятии, критерий **ЭКСПЕРИЕНЦЕРА**, основанный на ощущениях от среды, и критерий **ДЕЯТЕЛЯ** – на основе оценки наличия препятствий для движения к цели. Доказано, что семантика обоих показателей зависит от соответствующих модификаций модели движения **ВОВНЕ**. Модификации модели, стоящие за 出 (chu), естественны для **СУПЕРНАБЛЮДАТЕЛЯ**, акцентирующего сам факт смены «местоположения (состояния)». Модификации модели, стоящие за *вы-*, естественны для **СУПЕРДЕЯТЕЛЯ**, акцентирующегося на преодолении «ограничения» на пути своего движения. Также показано, что разные этносы демонстрируют «единство» в интерпретации воспринимаемого при занятии определенной позиции познания: **НАБЛЮДАТЕЛЬ** интерпретирует «закрытое» как «источник», «ресурс» и «потенциал», а «открытое» – как «доступное для восприятия»; **ЭКСПЕРИЕНЦЕР** строит корреляцию «закрытое – свое» и «открытое – не свое»; **ДЕЯТЕЛЬ** склонен давать отрицательную оценку «закрытому», а положительную – «открытому». Результат исследования позволяет сделать вывод о том, что «конгруэнтность» понимания семантики у индивидов внутри одного языкового коллектива достигается синхронизацией исходной позиции познания в ходе их взаимодействия.

Ключевые слова: когниция, семантика, полисемия, неэквивалентность, культура, языковое сознание, ментальная модель

Введение

Языковые единицы, обозначающие направление движения, давно находятся в центре внимания лингвистов в силу их высокой степени полисемии и выполняемой ими важной грамматической функции. С установлением антропоцентризма исследование семантики таких показателей направления стало ориентироваться на объяснение появления у них тех или иных непространственных значений, а также на поиск ответа на вопрос – почему непространственная семантика показателя одного и того же направления из разных языков не совпадает. Однако пока еще рано говорить о том, что ответ на этот вопрос уже найден. Компаративный анализ в основном подтверждает «культурную вариативность» языков, высказанную еще Дж. Лакоффом и М. Джонсоном: «Наш физический и культурный опыт предоставляет множество различных оснований для пространственных метафор. То, какие из этих оснований будут выбраны и какие станут базовыми, варьируется от одной культуры к другой» [Лакофф, Джонсон 2004: 42]. Но возникает следующий вопрос: почему один этнос «выбирает» одни основания для пространственных метафор, а другой – другие? Более того, возможно ли вообще говорить о «выборе», если учитывать, что рядовые носители языка, не знающие другого языка, скорее всего, и не подозревают о возможных других основаниях для метафор. Не попадаем ли мы в замкнутый эпистемологический круг? Ведь фактически получается, что представителям определенной культуры и языка приемлемы одни основания для построения пространственных метафор потому, что они «выбирают» эти основания из множества возможных, а они «выбирают» их потому, что они являются представителями своей культуры и языка.

Вывод о «культурной вариативности», на наш взгляд, методологически предопределен. Дело в том, что исследование семантики показателей направления в целом проводится в русле теории о «семантической деривации», для которой представление о «семантических переносах (сдвигах)» практически стало аксиомой. Когда возникновение непространственных значений рассматривается как результат некой операции над пространственным значением (в основном как результат метафорического переноса), то придется признать, что «сдвиги» у показателей одного и того же направления движения из разных языков происходят по-разному, поскольку их непространственная семантика объективно не совпадает.

Этот вывод, на самом деле, идет в разрез с задачей лингвистики как науки, претендующей сегодня на ведущую позицию в мультидисциплинарном исследовании сознания: «Единственно надежный доступ к сознанию обеспечивает только язык» [Болдырев 2019: 26]. Антропология и генетика указывают на общее происхождение всех людей и на то, что у наших прародителей до их расселения по всему миру уже возник язык. Хронологически появление когниции, интеллекта и языковой способности предшествует возникновению языков и культур. В свою очередь, язык и культура развиваются в переплетении, и они не взаимообъясняются.

На теорию о «семантической деривации» оказало влияние положение, высказанное Л.С. Выготским о развитии значений слов у ребенка за счет обобщения [Выготский 1934: 41]. Но данное положение не подразумевает, что «обобщение» происходит за счет некой операции над неким исходным значением. Описание «сдвигов» порой требуют у лингвистов немало умственных усилий, однако вопрос о том, как такие «сдвиги» могут происходить у индивидов (в том числе, в раннем детстве) одинаковым образом, да так, чтобы со стороны не было заметно никакой затраты времени и усилия – вовсе

не обсуждается. В представлении о «сдвигах» кроется еще и уязвимость логического характера: когда мы сознаем значения А и Б и находим между ними определенную связь, это еще не означает, что значение Б возникло именно благодаря наличию этой связи. Представление о «сдвигах» нацелено на изучение семантики как системы, познаваемой путем выделения составляющих и выявления связей между ними. С помощью такого представления упорядочиваются осознаваемые лексико-семантические варианты, но оно непригодно для поиска ответа на вопрос, как эти варианты вообще осознаются людьми (причем коллективно). Критика в адрес традиционной лингвистики, что она не задается вопросом о биосоциальной природе языковой способности и роли языка в эволюционном развитии человека как биологического вида [Кравченко 2016], на наш взгляд, вполне справедлива.

Итак, для приближения к познанию человеческой когниции через семантику необходимым становится отказ от привычного постулата. Цель настоящей работы – предложить гипотезу о механизме генерации семантики исходя из ряда современных концепций, имеющих отношение к человеческой когниции, и проверить ее на примере показателей движения ВОВНЕ в русском и китайском языках.

Методология

Прежде всего, при разработке нового подхода нужно устранить отмеченную нами уязвимость логического характера в постулате о «семантических сдвигах». Ее достаточно легко избежать при применении современной концепции о «живом знании», признающей знание как продукт и результат психических процессов в ходе развития и взаимодействия со средой [Залевская 2007: 5]. Исходя из этой концепции, все лексико-семантические значения полисемантов (как важнейшую часть нашего знания) следует в равной степени рассматривать как продукты умозаключения человека. Значения (особенно так называемые прямые) зачастую воспринимаются нами как данность. Но это лишь иллюзия. И такая иллюзия возникает в силу того, что умозаключение, приводящее к осознанию семантики, опирается на интуицию, главной чертой которой является мгновенное постижение истин, «которые ум признает не на основании доказательства, а просто усмотрением мыслимого в них содержания» [Асмус 1965: 5].

В истории человечества отмечена только одна когнитивная революция, связанная именно с появлением языковой способности. Интуиция, обеспечивающая генерацию семантики, гораздо «древнее» дискурсии, но между ними не должно быть пропасти, а лишь разница в степени осознанности. И интуиция, и формальная логика зависят от работы нашего мозга. Иными словами, работа мозга при осознанном познании чего-то и его работа при «включении» интуиции регулируется одним и тем же механизмом. Ранее, опираясь на нейрофизиологические открытия и концепцию «модельезависимого реализма», сформированную в современной физике, мы доказали, что подход к научному (осознанному в высшей степени) познанию объекта зависит от исходной модели мира [Цзинь 2020]. По сути, и цель познания часто сводится к построению работоспособной модели. Об этом писал, например, А.А. Леонтьев: «Мы в нашей лингвистической деятельности, в конечном счете, создаем модель языка» [Леонтьев 2014: 87]. Человек проявляет склонность к моделированию во всей своей деятельности, начиная с начертания схемы до применения сложных алгоритмов. Как отмечал представитель американской школы когнитивной лингвистики Ф. Джонсон-Лэрд, «ментальные модели позволяют человеку делать умозаключения и предсказывать ход событий, понимать явления, принимать решения и следить за их исполнением

(Пер. с англ. – Авт.)» [Johnson-Laird 1983: 397]. Думается, что мы вполне вправе предположить, что интуитивное умозаключение, приводящее к осознанию значений, так же сводится к оперированию ментальными моделями.

При таком подходе семантика есть своего рода моделезависимая реальность. Высокая степень полисемии и грамматическая функция¹ у показателей направления становятся прямым свидетельством важности моделей движения в когнитивной деятельности человека. Все дело в том, что движение воспринимается человеком как процесс, приводящий к переменам, иными словами, направленность движения в пространстве и направленность перемен во времени для человека – одно и то же. Частичная эквивалентность показателей одного и того же направления из разных языков показывает о том, что при создании модели движения на базе схожих перцептивных опытов мозг обладает определенной свободой, т.е. допускаются модификации модели, и для каждого языка актуальны свои модификации с соответствующими возможностями конструирования перемен. Для описания модификаций модели движения мы заимствуем понятие «мета» у создателя ноологии Х. Субири². «Мета» в нашем понимании отражает концентрирование человеком-субъектом познания своего внимания на том или ином признаке, в принципе извлекаемом в ходе его взаимодействия со средой.

Наша задача – объяснить неэквивалентность показателей одного и того же направления из разных языков. Согласно нашей гипотезе, если неэквивалентность существует при конструировании перемен непространственного характера, то соответствующая неэквивалентность должна проявляться и при конструировании перемещения в пространстве, ибо вся семантика зависит от актуальных для определенного языкового коллектива модификаций модели движения. Но ключевой вопрос заключается еще и в том, каким образом достигается «конгруэнтность» умозаключения у индивидов, когда они употребляют определенный показатель направления своего родного языка. Позволит ли применение нашей гипотезы к рассмотрению языковых материалов дать правдоподобный ответ на этот вопрос – главная для нее проверка.

В качестве языковых материалов используем показатель направления движения **ВОНЕ** в русском и китайском языках – 出 (chu) и *вы-*. Для полноты сведений о структурируемых с помощью *вы-* переменных рассматриваются словарные дефиниции глаголов с приставкой *вы-*, значения и семантические признаки глагола *выйти* и приставки *вы-*, описанные в «Русской грамматике» (1980) и в работах

¹ Эта функция традиционно трактуется как «обозначение результативности действия». С нашей точки зрения, языковая дифференциация направления движения происходит за счет включения в фокус внимания местонахождения до и после перемещения, а грамматическая функция у показателей направления свидетельствует о том, что представление о переменных у человека сформировалось на базе осознания разницы между начальным и конечным состояниями в процессе движения.

² На вопрос «что есть в действительности то, что мы, люди, формально воспринимаем в чувствовании?», ответ феноменологии Гуссерля и Хайдеггера гласил: «то, что мы схватываем в восприятии, суть вещи-смыслы (стены, столы, двери и т.д.)». Создатель ноологии Х. Субири считает такое суждение о восприятии неверным: «В схватывании мне никогда не доводится постигнуть умом или воспринять чувствами стол. То, что я схватываю, есть некий комплекс мет, который функционирует в моей жизни как стол» [Субири 2006: 40]. Суждение Х. Субири согласовывается со знанием о мозге в современной нейрофизиологии: «Восприятие мозгом внешнего мира дискретно по своей природе и не может быть непрерывным в принципе» [Акопов 2017: 45]. Иллюзия постижения «смысла» вещи при ее номинации возникает потому, что в рамках собственного языка человек не подозревает о возможных иных метах при ее восприятии.

Ю.Д. Апресяна, Е.Р. Добрушиной, А.А. Зализняка, Г.А. Волохиной, З.Д. Поповой, Г.И. Кустовой и др. исследователей. Основными источниками описания семантики 出 (chu) являются энциклопедический словарь «Цыхай» [1989], «Словарь современного китайского языка» [Сяньдай ханьюй цыдянь 1997], «Словарь по употреблению глаголов китайского языка» [Ханьюй дунцы юнфа цыдянь 1999], «Восемьсот слов современного китайского языка» [Люй Шусян 1990], «Толкование дополнительных элементов направления» [Лю Юэхуа 1998]. Также использованы данные из Национального корпуса русского языка и Базы данных языковых материалов Центра исследования языка при Пекинском университете. Основные методы – сравнительный анализ и дедукция. На первом этапе путем сравнения ситуаций перемещения в физическом пространстве, к которым применимы 出 (chu) и *вы-*, определяются основные меты и критерии противопоставления закрытости / открытости. На втором – проводится анализ процессов, конструируемых с помощью данных полисемантов и не относящихся к перемещению в физическом пространстве, с целью определить, какие возможные модификации модели движения ВОВНЕ актуальны для каждого полисеманта.

Исследование и результаты

1. Основные меты и критерии противопоставления закрытости / открытости

出 (chu) способен самостоятельно, или совместно с дейктическими показателями 来 (lai – *приближение к позиции говорящего*) и 去 (qu – *удаление от данной позиции*), конструировать процессы перемещения ВОВНЕ в физическом пространстве³, во многих случаях эквивалентные процессам, конструируемым русским глаголом *выйти*. 出 (chu) и 出来 (chulai) / 出去 (chuqu), присоединяясь к глаголам-способам движения (напр., 走 (zou) – *передвижение пешком*, 跑 (pao) – *передвижение бегом*), конструируют процессы, во многом эквивалентные процессам, репрезентируемым в русском языке глаголами *выйти*, *выбежать* и т. п. Процессы, конструируемые 出 (chu) (出来 chulai / 出去 chuqu) совместно с глаголами, обозначающими способы каузации (напр., 拿 (na) – *держат небольшой объект в руке / руках*, 提 (ti) – *держат объект за ручку или за ремень в руке / руках*, 搬 (ban) – *держат большой и тяжелый объект удобным способом для его перемещения*, 背 (bei) – *носить что-то на спине*, 扛 (kang) – *носить что-то тяжелое через плечо / на плечах*, 运 (yun) – *возить*) во многом эквивалентны процессам, конструируемым русскими глаголами *вынести*, *вывезти*. Эквивалентность этих процессов демонстрирует одинаковую идентификацию «закрытого»: для обоих языковых коллективов закрытый участок пространства определяется как участок с границами (пределами) и менее просторный по сравнению с прилежащим участком.

Однако наличие общей меты «предельность» отнюдь не означает «идентичность» восприятия движения ВОВНЕ. Китайцы свое внимание акцентируют на границе (некой линии) между этими участками, т.е. перемещение ВОВНЕ регистрируется, прежде всего, как пересечение границы и появление на открытом участке. Эта особенность находит отражение в том, что в конструированных с помощью 出 (chu)

³ В традиционной грамматике в этом случае 出 (chu) рассматривается как полнозначный глагол. Мы считаем, что все случаи употребления показателя направления есть случаи проявления потенциала модели движения, формальное различие проявления этого потенциала – с участием дополнительных единиц (признаков) или без – не является существенным. Следуя этому же видению, мы включаем в сравнительный анализ и глагол *выйти*, и глаголы с приставкой *вы-*.

ситуациях возможна экспликация лишь непосредственно границы, или закрытого участка с предполагаемой границей. А в случае с *вы-* возможно эксплицитно указать как начальный пункт перемещения (закрытый участок), так и конечный пункт (открытый участок), например, *выйти из дома во двор*, т.е. регистрируется весь динамический процесс, начатый в закрытом пространстве и законченный в открытом. Конечно, этот процесс включает пересечение границы, но в отличие от *出* (chu), не исключает продолжения движения в течение некоторого времени в открытом участке. Основываясь на этом различии, выделяем мету «процессуальность». Для *出* (chu) важен сам факт смены местонахождения, и данная мета не столь актуальна, сколь она актуальна для *вы-*.

Наблюдается расхождение и в возможностях конструирования перемещения, и соответственно, в семантике:

出国 chuguo (*出* + страна) – конструируются перемены «поехать за границу», «уехать за границу», и только в определенном контексте – «выехать за границу», когда есть указание на некое препятствие для совершения данного действия, например, *不许出国* buxuchuguo (не разрешаться + *出* + страна – *Выезд за границу запрещен*). То, что *выехать* в ситуации «выехать за границу» подразумевает преодоление препятствия, наводит на мысль о том, что мета «предельность» в русском варианте больше исходит от представления о пределах как «замкнутом круге», что коррелирует с ощущением «ограничение». Таким образом, мета «предельность» может быть детализирована как мета «предельность-линия» и мета «предельность-круг».

Далее мы попытаемся на примерах перемещения, совершаемого способом «плавания», выяснить, какие критерии противопоставления закрытости / открытости еще существуют.

В китайском языке имеется три частотных глагола, которые можно считать собственно глаголами плавания: *游* (you – *плавать*), *漂* (piāo – *плавать на поверхности воды без движения*), *浮* (fu – *плавать (обычно о неодушевленном предмете) на поверхности воды*) [Рукодельникова 2007: 597]. Все эти глаголы могут участвовать в конструировании перемещения ВОВНЕ, т. е. сочетаются с *出* (chu) (*出来* chulai / *出去* chuqu).

游出 (游出来 / 出去) и *漂出* (漂出来 / 出去) подразумевает разграничение пространства над водой на две части по степени доступности для визуального наблюдения, что совпадает с принципом противопоставления закрытости / открытости, отраженным в применении *выплыть* в следующем примере:

Торопливо он скрылся в камышах, откуда через минуту он уже выплыл на лодке (А.Н. Будищев. Однодум 1901).

С помощью *出* (出去) конструируется еще один вариант ситуаций:

小船已漂出(出去)好 xiaochuan yì piāochu (chuqu) haoyuan

маленькая лодка + уже + плавать + *出* (出去) + очень далеко – *Лодочка уже уплыла очень далеко*.

В подобных ситуациях дейктический показатель *去* эксплицирует позицию говорящего, который, ориентируясь на себя, выделяет две зоны – близкую и отдаленную, и применение *出* (chu) указывает на восприятие близкой зоны как зоны с границами, т.е. закрытой, а удаленной – как открытой зоны без границ. Данный принцип, на наш взгляд, берет свое начало в осознании человеком наличия замкнутого пространства вокруг себя как личного, своего пространства. Этот принцип деления закрытой и открытой

зон не чужд и русскому языковому сознанию, например, когда с помощью *вытянуться* репрезентируется «расположение на большом протяжении в одну линию»: *Деревня вытянулась вдоль реки*. Применение *вы-* мотивировано тем, что человек мысленно определяет некую границу на протяжении линии, зона от себя или от некоего ориентира до этой границы воспринимается как закрытая, зона за этой границей – открытая. Для китайского же языкового сознания этот принцип применяется почти повсеместно: комбинация 出去 при присоединении ко всем глаголам-способам движения способна конструировать «удаление» некоего движущегося объекта от ориентира.

浮 (fu) 'плавать на поверхности воды' обозначает не столько действие, сколько пассивное состояние «держаться на поверхности воды благодаря плавучести», и поэтому не сочетается с 出去(chuqu), т.е. пассивное состояние не вписывается в перемены «удаление от ориентира». 浮出 / 浮出来 (fuchu / fuchulai) соответствует ситуации «подъем чего-то из глубины на поверхность», конструируемой *выплыть*, например: *Выплыло затонувшее бревно*. Таким образом, мы получаем еще одно подтверждение того, что для обоих языковых коллективов актуален принцип разграничения закрытой и открытой зон, основанный на визуальном восприятии, только в этом случае противопоставляются зоны над водой / под водой как видимая (открытая) и невидимая (закрытая).

Показатель 出(chu) не применим к случаям, когда перемещение начинается по воде, а заканчивается на суше, в то время как показатель *вы-* вполне естественен в подобных случаях:

Кто плачет, кто со злости смеется, кто, понадеявшись на коня, бросается в плавь. Многие потонули, но мы с товарищем Бондаренком — Гончаровского хутора казачок — выплыли на берег. Вот покинули обмерзших коней и сами, чтобы хоть немного согреться, бегом ударились в степь. Дело ночное, следу не видно (Артем Веселый. Россия, кровью умытая (1924–1932)).

Здесь уместно уже говорить об ином принципе разделения закрытой зоны и открытой, характерном для русского языкового сознания. Ю.Д. Апресян при описании лексикографического портрета глагола *выйти* отметил: «...различия между более замкнутыми и менее замкнутыми (более открытыми) пространствами, по-видимому, объективны: в более замкнутых пространствах меньше возможностей входа и выхода и больше препятствий для перемещения» [Апресян 1995: 491]. Возможность у глагола *выплыть* в плане конструирования перемещения с воды на сушу как этап бегства хорошо согласовывается с тем, что закрытая зона (в данном случае – водная стихия) определяется как среда, где человек ощущает силу сопротивления для свободного движения, а открытая зона (в данном случае – суша) определяется как среда, где человек получает свободу движения. Эта особенность разделения закрытой зоны и открытой также не совсем чужда и китайскому языковому сознанию, например, при соединении 出(chu) с такими глаголами, как 逃 (tao – *убежать, сбежать*), 冲 (chong – *ринуться вперед, прорываться*), репрезентируются перемены, когда движущееся лицо получает свободу, совершая движение ВОВНЕ:

逃出监狱 taochu jianyu (убежать + 出 + тюрьма) – *сбежать из тюрьмы*.

冲出包围 chongchu baowei (ринуться вперед + 出 + блокада, окружение) – *вырваться из окружения*.

Итак, выделяем три критерия противопоставления закрытости / открытости:

1) Человек-субъект познания позиционируется как НАБЛЮДАТЕЛЬ

и опирается на свое визуальное восприятие: закрытая зона не доступна для взора, а открытая – доступна. Человек при этом мысленно помещает себя в открытую зону. Данный критерий, в принципе, может быть совмещен как с метой «предельность-линия», так и с метой «предельность-круг». А мета «процессуальность» может быть факультативной.

2) Человек-субъект познания позиционируется как ЭКСПЕРИЕНЦЕР, регистрирующий воздействие на себя окружающей среды и свое ощущение от данного воздействия: противопоставление закрытости / открытости основывается на осознании некоего замкнутого пространства вокруг себя как своего. ЭКСПЕРИЕНЦЕР может акцентировать свое внимание как на «предельности-линии», так и на «предельности-круге», и мета «процессуальность» для ЭКСПЕРИЕНЦЕРА также может быть факультативной.

3) Человек-субъект познания позиционируется как ДЕЯТЕЛЬ, движущийся к своей цели. Акцентируется ощущение препятствия со стороны среды, соответственно, противопоставление закрытости / открытости базируется на понимании наличия ограничения / отсутствия ограничения, что предполагает в обязательном порядке наличие меты «предельность-круг». При актуализации критерия ДЕЯТЕЛЯ непременно активизируется и мета «процессуальность».

Таким образом, модель движения ВОВНЕ может иметь несколько модификаций за счет актуализации разного критерия противопоставления закрытости / открытости. При актуализации критерия НАБЛЮДАТЕЛЯ и критерия ЭКСПЕРИЕНЦЕРА возможна еще и вариативность за счет мет «предельность» и «процессуальность».

2. Оперирование моделью движения ВОВНЕ при актуализации критерия НАБЛЮДАТЕЛЯ

2.1. 出 как реализация вариации с метой «предельность-линия»⁴

При активизации меты «предельность-линия» для НАБЛЮДАТЕЛЯ, находящегося в открытой зоне, пересечение этой линии означает перемены «невидимое → видимое». Возможности модели движения ВОВНЕ в плане сжатия разнообразия в этом случае зависят от того, что для человека значит «увидеть».

2.1.1. Генерация идеи о «постижении»

Начинаем с сочетания 出(chu) с действием 看 (kan – *смотреть (осознанное направление взгляда на что-то)*):

看出问题 kanchu wenti (смотреть + 出 + вопрос, проблема) – *обнаружить, заметить, выявить проблему.*

В силу того, что человек при восприятии внешнего мира опирается, прежде всего, на свои глаза, «направлять взгляд на что-то» для человека означает обращение своей познавательной способности на нечто искомое. Соответственно, результат такого рода действия представляется нами как движение искомого из «темной», закрытой для видения зоны ВОВНЕ, в «ясную», видимую зону. Таким образом, конструируется процесс познания и генерируется идея о «постижении». В модель могут быть встроены все виды когнитивной способности человека за счет наличия органов чувств и наличия главного аппарата познания – мозга: 听 (ting – *слушать*), 闻 (wen – *нюхать*),

⁴ При активизации меты «предельность-линия» человека-субъекта познания интересует только различие между двумя зонами. Это отнюдь не означает, что в таком случае закрытая зона в принципе не воспринимается как зона, окруженная со всех сторон, только такое представление не оказывает существенного влияния на понимание характера перемен.

尝 (chang – *пробовать на вкус*), 摸 (mo – *щупать*), 觉 (jue – *чувствовать*), 问 (wen – *спрашивать*), 认 (ren – *узнавать, распознавать*), 辨 (bian – *различать, определять*), 猜 (cai – *угадывать, разгадывать*).

听出他的声音 tingchu tade shengyin (слушать + 出 + его + звук) – *узнать его по голосу*.

闻出味道 wenchu weidao (нюхать + 出 + запах) – *определить, что за запах*.

认出对方 renchu duifang (распознавать + 出 + собеседник, другая сторона) – *узнать в собеседнике знакомого*.

问出结果 wenchu jieguo (спрашивать + 出 + результат) – *получить ответ*.

辨出真假 bianchu zhenjia (различать + 出 + правда и ложь) – *определить подлинность*.

2.1.2. Генерация идеи о «реализации потенциала»

Сюй Шэнь, автор «Шовэнь цзецзы» (Shuowen jiezi, пер. «Происхождение китайских иероглифов»), при толковании иероглифа 出 (chu) указал на его связь с прообразом «всходы растений». Русское слово «всходы» отражает восприятие «роста» как процесса ВВЕРХ, но это же явление вполне логично может быть воспринято как процесс «невидимое → видимое» на том простом основании, что человек далеко не все может увидеть. Таким образом, движение ВОВНЕ – это процесс метаморфозы, в результате которого НЕЧТО становится доступным для нашего восприятия. Генерируется идея о «реализации потенциала». Причина же метаморфозы может быть разной.

2.1.2.1. НЕЧТО становится «видимым» в результате физического, химического или биологического процесса:

额上渗出汗水 eshang shenchu hanshui (на лбу + проникать, просачиваться + 出 + пот) – *На лбу выступил пот*.

长出新叶 zhangchu xinye (расти + 出 + новый + листья) – *Появились новые листочки*.

发出声音 fachu shengyin (издавать, испускать + 出 + звук) – *издать звуки*.

2.1.2.2. НЕЧТО становится «видимым» в результате реализации творческого потенциала человека. Творческая способность человека представлена в языке множеством глаголов. Комбинацией этих глаголов с 出 репрезентируется появление «нового» как результат перемен, когда нечто неуловимое (мысли, ощущения, эмоции) приобретает некую форму и тем самым становится доступным для восприятия.

想出办法 xiangchu banfa (думать + 出 + метод, способ) – *придумать решение*.

定出计划 dingchu jihua (устанавливать + 出 + план) – *разработать план*.

算出结果 suanchu jieguo (производить расчет, подсчет + 出 + результат) – *получить результат расчета*.

小说写出了一半 xiaoshuo xiechule yiban (роман + писать + 出 + оператор переключения состояния + половина) – *половина романа уже написана*.

2.1.2.3. НЕЧТО становится «видимым» в результате не совсем подконтрольного человеком процесса. В этом случае появление «нового» для НАБЛЮДАТЕЛЯ является неожиданностью.

生出一个念头 shengchu yige niantou (рожать, рождаться + 出 + один + счетное слово + мысль) – *в голову забрела шальная мысль*.

惹出麻烦 rechu mafan (задевать, дразнить + 出 + хлопоты) – *заварить кашу; натворить неприятностей*.

Как мы видим, в китайском языковом сознании наблюдается склонность негативно оценивать «неожиданное появление нового из невидимой зоны», что также находит отражение в 出事 chushi (出 + дело, событие): *случилось что-то нехорошее (авария, скандал, неприятности и т.д.)*.

2.1.2.4. В случае, когда под «потенциалом» подразумевается сам человек, способный к саморазвитию, то 出 указывает на появление у человека неких наблюдаемых качеств:

培养出精英 peiyangchū jīngyīng (воспитывать, растить + 出 + элита) – *подготовить элиту*.

惯出毛病 guanchū maobīng (баловать + 出 + недостатки) – *избаловать*.

2.1.3. Генерация идеи об «отдаче ресурса»

Еще одна особенность человеческого видения заключается в том, что мы склонны видеть то, что нужно увидеть или желаем увидеть. Эта особенность, на наш взгляд, и лежит в основе возможности конструировать перемены «ресурс → отдача ресурса» при оперировании моделью движения ВОВНЕ: ресурс локализован как некая закрытая область, а его отдача – то, что появится в открытой области, т.е. в поле зрения НАБЛЮДАТЕЛЯ. Прежде всего, к такой реализации можно отнести конструирование процесса «выбора»:

挑出好的 tiāochū hǎo de (выбирать, подбирать + 出 + хорошее) – *выбрать лучшее*.

В модель может быть встроен широкий спектр деятельности человека, нацеленный на создание чего-то нового:

绣出图案 xiūchū tuān (вышивать + 绣出 + рисунки) – *вышить узор*.

唱出水平 chāngchū shuǐpíng (петь + 出 + уровень) – *демонстрировать свой уровень пения*.

Перемены «ресурс → отдача ресурса» также могут быть результатом повторяющейся практики на протяжении долгого времени:

走出一条创新之路 zǒuchū yítiāo chuāngxīnzhīlù (ходить, идти + 出 + один + счетное слово + инновация + служебное слово для обозначения притяжательности + дорога) – *проложить инновационный путь развития*.

练出成绩 liànchū chéngjì (тренироваться + 出 + успехи) – *достичь успехов упорной тренировкой*.⁵

2.2. Вы- как реализация вариации с метами «процессуальность» и «предельность-круг»

Русский показатель движения ВОВНЕ *вы-* также обладает возможностью генерировать идеи о «постижении» (например, *выявить, выяснить*), «реализации потенциала» (например, *вычертить схему, выразить, из него выйдет хороший инженер*), «отдаче ресурсов» (например, *выбрать, вырезать звёздочку из бумаги, выдолбить лодку, выдавать продукцию*). Однако речь не идет о полной эквивалентности между 出 (chū) и *вы-*.

Во-первых, при комбинации *вы-* с глаголами, обозначающими когнитивную способность человека, генерируется не просто «постичь нечто искомое», а «постичь нечто искомое при высокой концентрации внимания и напряжении ума»: *высмотреть, вынюхать, выщупывать, выгадать, вывести, выискать* и т.п. А «приложить усилия», в свою очередь, коррелируется уже не просто с «получить некую информацию», как в китайском варианте 出(chū), а «добыть НЕЧТО, соответствующее пожеланию инициатора действия и его намерению дальнейшего действия»:

⁵ Отличие перемен «реализация потенциала» от «ресурс → отдача ресурса», конечно, относительно, здесь мы их различаем, главным образом, исходя из того, что в случае «ресурс → отдача ресурса» встраиваемые в модель действия носят более целенаправленный характер, в то время, когда «реализация потенциала» не совсем контролируема человеком.

*Я осторожно выхожу из леса на луг, покрытый кустами, чтобы **высмотреть место** переправы на утро (И.Л. Солоневич. Россия в концлагере (1935)).*

Об этом также можно судить по тому, что в русскую вариацию вписываются не только виды когнитивной способности человека, но и виды более активного действия или воздействия на другого человека (или на самого себя), нацеленного на получение желаемого для инициатора действия: *выиграть, выкупить драгоценности, выменять коня, выпросить новости, выпросить денег, вымолить пощады, выторговать гарантии, выпытать признание, вымучить из себя что-то* и т.п.

Лейтмотив «приложить усилия» также присутствует в переменах «потенциал → реализация потенциала» «ресурс → отдача ресурса», конструированных с помощью *вы-*. Если в китайскую вариацию вписывается широкий спектр действия, и при этом не меняется интенсивность этих действий, то при встраивании действия в русскую вариацию возникает дополнительный признак. Сравним: *做出 zuochu* (делать + 出) может означать, например, приготовление блюда из каких-то продуктов, а *выделывать / выделат* означает «тщательно, с большим совершенством сделать, выполнить», «совершить, проделать что-л. необычное, сделать сложное, замысловатое движение и т.п.», «подвергнув специальной обработке, придать какое-л. качество, свойство».

Во-вторых, в русской вариации модели движения **ВОВНЕ** ход перемен «невидимое → видимое», как правило, совпадает с ходом совершаемого действия во времени. Сравним: с помощью 出 (chu) конструируется достижение результата или формирование нового состояния, когда причиной перемен является действие, многократно начинающееся и заканчивающееся во времени (см. вышеприведенные примеры «*достичь хороших результатов упорной тренировки*», «*пребывать в хорошем настроении благодаря занятию танцами*»). Подобные перемены практически не конструируются с помощью *вы-*⁶. Иными словами, для *вы-* сам ход перемен как некий непрерывающийся процесс из «закрытой» зоны в «открытую» как от «прошлого-причинности» к «будущему-результативности» значительно важнее по сравнению с 出 (chu). Актуальностью меты «процессуальность» для *вы-* обуславливается еще одно проявление неэквивалентности.

Как уже было отмечено, в китайском языковом сознании появление «нового» как результата неподконтрольного процесса оценивается негативно. Это легко объяснить тем, что неожиданное появление чего-то из невидимой зоны, из «темноты», скорее, пугает. А.А. Зализняк в своем исследовании сопоставила глагол «выйти» в один ряд с другими глаголами, которые отражают русскую национальную черту в плане восприятия намерения добиваться некоего результата и самого результата: *смог – удалось – получилось – вышло – сложилось – случилось*. Эти слова упорядочены по уменьшению доли ответственности субъекта за конечный результат. При этом «... ряд *получилось – вышло – сложилось* выражает идею, что результат процесса, в который вовлечен человек, не полностью контролируется этим человеком...» [Зализняк 2006: 222–226]. Китайский показатель 出 (chu) при конструировании неподконтрольного

⁶ Существует множество действий, которые предполагают повторение определенного телодвижения, например, топтать, резать, рубить и т. п. Подобные действия вполне вписываются в модель движения **ВОВНЕ** для конструирования перемен «невидимое → видимое». Но и в этом случае применение *вы-* указывает на единство хода перемен и хода действия: Новенькие галоши оставляли четкие следы на снегу, и Кеша успел разнообразные узоры вытоптать, цепочкой, лепестками, кружась, на одной ноге прыгая, пока бабушку у подъезда ожидал (Н. В. Кожевникова. Внутренний двор (1984)).

процесса должен расположиться по этому ряду на месте *случилось*, а не на месте *вышло*. *Вышло* хоть и предполагает большую непредсказуемость результата, большую неопределенность промежуточных звеньев, но результат не обязательно должен быть «нежеланным»:

Вышло так, как и хотели мои строгие педагоги (И.К. Архипова. Музыка жизни (1996)).

На наш взгляд, непредсказуемость результата в семантике *вышло* генерируется в силу того, что протекающий в «закрытой» для наблюдения зоне процесс перемен коррелируется с пониманием его неконтролируемости со стороны человека. Но, с другой стороны, сознание существования этого процесса предполагает, что он может привести как к неожиданному хорошему, так и к неожиданному плохому:

Наверное, на вашу долю тоже выпало немало преподов-зверей (Письмо студентки подруге (2002)).

Мне выпало счастье знать людей, с которыми не запахло умереть (Захар Прилепин. Санька (2006)).

Итак, НАБЛЮДАТЕЛЬ, находящийся в «открытой» зоне, определяет тенденцию перемен ВОВНЕ как «невидимое → видимое», соответственно, «закрытая» зона коррелируется с пониманием об «источнике», «потенциале», «ресурсе». В этом плане русское и китайское языковое сознание демонстрируют единство. Возможности конструирования перемен и, соответственно, генерации семантики у 出(chu) и *вы-* не эквивалентны в силу активизации разных мет. При активизации меты «предельности-линии», т.е. когда НАБЛЮДАТЕЛЬ акцентирует внимание лишь на сопоставлении двух зон как не доступная / доступная для восприятия, то его интересует, в первую очередь, ЧТО в принципе не доступно восприятию и его трансформация в форму, уже доступную для восприятия. Причиной трансформации может стать как природный процесс без участия человека, так и широкий спектр деятельности человека в его обычном темпе и интенсивности. За *вы-* же стоит иная модификация модели движения ВОВНЕ с активизацией двух мет: меты «предельность-круг» коррелируется с пониманием «ограничения», соответственно, «выход» из замкнутой зоны требует «приложения усилия» со стороны инициатора действия для преодоления ограничения. Одновременно с активизацией меты «предельность-круг» активизируется и меты «процессуальность», ход перемен осознается и становится фактором влияния на генерацию семантики. Не исключено, что на формирование китайской вариации повлияли перцептивные опыты наблюдения над природными явлениями типа «всходы растений», а на формирование русской вариации – перцептивные опыты «доставать нужное» из замкнутого пространственного участка.

3. Оперирование моделью движения ВОВНЕ при актуализации критерия ЭКСПЕРИЕНЦЕРА

3.1. Вариация при активизации меты «предельность-линия»

Помимо упомянутой выше связи между показателем 出(chu) и прообразом «всходы растения», существует еще одна точка зрения на происхождение данного иероглифа: нижняя часть 冫 имитирует проход из пещеры, верхняя часть 手 имитирует пальцы ног и указывает на действие «остановиться». Сочетание двух частей обозначает «выход» человека из своего жилища [Этимологический словарь китайских иероглифов 2003: 148]. Этот прообраз и стоящие за ним перцептивные опыты – пересечение границы между жильем (укрытием) и открытым пространством – особо ярко отражает

критерий ЭКСПЕРИЕНЦЕРА: отталкиваясь от «закрытое есть СВОЕ пространство», ЭКСПЕРИЕНЦЕР, естественно, определяет «открытое» как «ОБЩЕЕ».

1.1.1 Генерация идеи о «поступлении на службу»

出山 chushan (出 + горы) – горы в данном выражении символизируют отшельничество. В древности образованные люди (так называемые благородные мужья), не находя применения своему знанию и таланту в обществе или не соглашаясь с властью имущими, находили себе дом в скромных местах, часто в горах. «Выход из гор» означает отказ от отшельничества и поступление таких «благородных мужей» на службу императору, обществу. Это выражение сохранило свою актуальность и сегодня, например, применяется для ситуации, когда крупный специалист, уже находящийся на пенсии, по приглашению принимает участие в какой-то важной работе. Аналогичных случаев, когда процесс поступления на службу репрезентируется как «выход», достаточно много: 出任 churen (出 + занимать должность – *вступить в должность*); 出工 chugong (出 + работать – (ежедневный, регулярный) *выход на работу* (чаще всего связанную с физическим трудом)); 出差 chuchai (出 + задание – *отправляться в командировку*); 出车 chuche (出 + машина – *выйти на маршрут, подать машину для выполнения какого-то задания*); 出海 chuhai (出 + море – (моряки, рыбаки) *отправляются в рейс, на рыбалку*).

Приставка *вы-* также обладает возможностью конструировать подобные перемены: *выйти из отпуска, выйти на сцену (для исполнения роли), выйти на арену (для участия в соревнованиях), выступить с речью* и т.п. Генерация идеи о «поступлении на службу» возможна благодаря тому, что, когда личное пространство ассоциируется с домом, то неличное пространство – это общее место, где человек вступает во взаимодействие с другими людьми и выполняет свою социальную функцию перед ними.

1.1.2 Генерация идеи об «увеличении доступности»

Противопоставление СВОЕ / ОБЩЕЕ способствует еще и формированию представления о «выходе» как о переменах, когда ЧТО-ТО, ранее доступное только для ограниченных лиц, становится доступным для ДРУГИХ. А такие перемены могут иметь разное конкретное проявление.

1.1.2.1 Генерация идеи об «увеличении доступности информации»

Моделью движения ВОВНЕ конструируется процесс коммуникации между людьми, в результате которого имеющаяся (возникающая) у отдельного человека (отдельных лиц) информация становится выраженной и доступной для другого (других). В данном случае в модель могут быть встроены глаголы, которые репрезентируют способы осуществления коммуникации:

说出真相 shuochu zhenxiang (говорить + 出 + действительность) – *рассказать правду*.

喊出口号 hanchu kouhao (кричать + 出 + лозунг) – *выдвинуть лозунг*.

发出信号 fachu xinhao (издавать, испускать, отправлять + 出 + сигнал) – *дать сигналы, отправить послание*.

1.1.2.2 Генерация идеи об «увеличении доступности ресурсов»

Ресурсы, которые могут стать доступными для иных лиц или служить в иных целях в результате их «перемещения» из закрытой зоны в открытую, могут быть как материальные, например, владения (недвижимость, деньги или иное имущество), так и нематериальные, например, время, усилия, возможности, психоэмоциональные составляющие и т.п. В модель встраиваются глаголы-способы каузации.

В большинстве случаев «увеличение доступности ресурсов» для ДРУГИХ коррелируется с пониманием «оказание помощи»:

有钱出钱, 有力出力 youqian chuqian, youli chuli (иметь + деньги + 出 + деньги, иметь + сила + 出 + сила) – (люди) помогают, чем могут, деньгами, участием (в работе)

有好主意都拿出来 youhaozhuyi dou nachulai

иметь + хорошие идеи + все + брать + 出 + дейктический показатель – У кого есть хорошие идеи, поделитесь ими.

«Увеличение доступности ресурсов» также может быть мотивировано желанием воздействовать на ДРУГИХ тем, что имеется в чьем-то распоряжении:

拿出影响力 nachu yingxiangli (брать + 出 + силу влияния) – оказывать влияние (своим авторитетом).

搬(抬)出靠山 (держат что-то тяжелое + 出 + покровитель) – ссылаться на авторитет (влияние, статус и т. п.) покровителя (чтобы повлиять на ситуацию).

Нельзя сказать, что противопоставление СВОЕ/ОБЩЕЕ и представление о «выходе» как о переменных «увеличение доступности» совсем не актуальна для русского языкового сознания. След данной вариации можно найти, например, в выражениях: вышла (книга, публикация), выболтать секреты, выдвинуть (предположение, гипотезу, мысль), выдавать пособия, выделить (средства, время, человеческие ресурсы) и т. п.

3.2. Вариация при активизации меты «предельность-круг»

Для ЭКСПЕРИЕНЦЕРА активизация меты «предельность-круг» указывает на концентрацию его внимания именно на «личном пространстве», а корреляция между «личным пространством» и пониманием об «имении, владении» могла сложиться у наших предков, скорее, еще задолго до возникновения языка. Кроме того, с «кругом» также связано представление об объеме⁷. На наш взгляд, этими двумя обстоятельствами и объясняется возможность генерации идеи о «лишении полностью в некоем объеме» у приставки *вы-*. Данная идея может быть интерпретирована по-разному, например, так: «В ходе деятельности какого-либо человека некий ресурс мог быть израсходованным полностью, кончиться ((Весь) табак <хлеб> вышел; Когда вышли снаряды, бойцы стали отстреливаться)» [Апресян 1995: 497], или как сема «разрушить» (вымерзнуть, выкурить сигару, вырубить лес, выгореть, вытравить, высохнуть (дерево)) [Волохина, Попова 1993: 44]. По мнению Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой, данная сема объясняется связью с ситуацией удаления с применением разрушающей силы (например, выдернуть гвоздь). Это объяснение, на наш взгляд, не убедительно хотя бы потому, что 出 (chu) также конструирует ситуацию удаления, но семантика «лишение полностью» у него отсутствует. Мозг при применении модели движения ВОВНЕ к ситуации удаления исходит из простого определения начального состояния как «что-то внутри чего-то». А применимость модели к генерации идеи «лишение полностью» затрагивает гораздо более сложную комбинацию корреляций между перцептивным и абстрактным.

Генерация идеи о «лишении» в силу сохранения «закрытой зоны» в фокусе внимания наблюдается и при применении китайского 出 (chu), однако применение китайского

⁷ Исследование русской приставки *о-* / *об-* дает основания говорить о ряде корреляций между «кругом» и более абстрактными концептами для русского языкового сознания, в том числе и «круг – совокупность», «круг – максимальность» [Цзинь 2019: 136]. Эти корреляции, по всей видимости, проявляются также и в вариациях модели движения ВОВНЕ при активизации меты «предельность-круг».

показателя само по себе не подразумевает «в полном объеме», т.е. мета «предельность-круг», и соответственно, корреляция «круг – объем» не актуальны, сохраняется общее представление о характере перемен на основе противопоставления СВОИ / НЕ СВОИ:

献出生命 xinchu shengming (преподносить + 出 + жизнь) – *отдать жизнь (ради высших целей)*.

钱花出去一半 qian huachuq yiban (деньги + тратить + 出去 + одна половина) – *половина суммы растрочена*.

4. Оперирование моделью движения ВОВНЕ при актуализации критерия ДЕЯТЕЛЯ

А.А. Зализняк отмечает, что для глагола *выйти* при абстрагировании его значения «компонент ‘более открытое’ является обязательным, а не факультативным...», а «смысл ‘с достижением результата’, по-видимому, вообще не входит в инвариантное значение данного глагола, и его следовало бы заменить на что-то вроде ‘и это хорошо’ – компонент, который возникает в результате усиления имплицитной положительной оценки, содержащейся в идее открытого пространства» [Зализняк 2006: 55]. А Е.Р. Добрушина предлагает единое абстрактное толкование *вы-* так: «Развитие процесса специфично и приводит к одному из наиболее сложных для достижения результатов из спектра тех, которые могут быть достигнуты» и связывает специфику семантики данной приставки с ее первоначальным пространственным значением: «Можно предположить, что, исторически начавшись с пространственного значения ‘изнутри – наружу’, но став постепенно гораздо более абстрактной и начав обозначать ‘анимальные, психологические, ментальные и социальные планы’, приставка *вы-* актуализовала в своем значении второй компонент – ‘сложный путь развития действия’ – и именно на его основе стала образовывать глаголы с непространственными значениями» [Добрушина 2011: 34–36].

На наш взгляд, эти выводы по семантике *выйти* и *вы-* уже свидетельствуют о том, насколько превалирует в русском языковом сознании критерий ДЕЯТЕЛЯ. Когда противопоставление закрытости / открытости основывается на оценке наличия / отсутствия препятствия для движения к цели, «более открытое», безусловно, коррелируется с «хорошо», и также подразумевается сложный процесс, предшествующий этому «хорошо», т.е. мета «предельность – круг» указывает на «ограничение – наличие трудностей», а мета «процессуальность» – на «сложный путь развития действия». Главным лейтмотивом реализации модели ДЕЯТЕЛЯ становится «преодоление». Превалирование критерия ДЕЯТЕЛЯ для русского языка оказывается главной причиной неэквивалентности рассматриваемых нами двух показателей.

Г.И. Кустова при рассмотрении случаев метафорического употребления глаголов с приставкой *вы-* (в частности, *выдавить / выжать из себя / из кого* Y) отметила, что «все подобные метафоры основаны на концептуализации внутреннего мира человека как вместилища («сосуда»), содержащего мысли, чувства, переживания, которые периодически «изливаются» [Кустова 2004: 113]. Представление о мире человека как о вместилище, т.е. в виде некоей предельной закрытой зоны, скорее, является еще одной константой в сознании человека. Однако эта константа лишь частично обеспечивает эквивалентность 出 (chu) и *вы-* в конструировании перемен «выхода НЕЧТО» из внутреннего мира человека. Рассмотрим их неэквивалентность чуть подробнее.

Привычным действием для «выхода» мыслей, чувств, переживаний из внутреннего мира человека является «произносить что-то вслух». 说出真相 (говорить + 出 +

действительность), соответствует «*рассказать правду*». Китайский вариант, будучи реализацией модели ЭКСПЕРИЕНЦЕРА с метой «предельность-линия», подразумевает наличие некоей информации (в нашем примере – правда, касательно какого-то события) у кого-то до перемен, а «выход» указывает на то, что эта информация стала доступной для ДРУГИХ. Иными словами, 出 (chu) способен конструировать «поделиться информацией» с одной предустановкой: информация до перемен была «закрытой», т.е. была известна только ее владельцу / владельцам. А русские варианты *выговорить правду* или *высказать правду* явно не о подобных случаях «поделиться информацией».

*По движению его пальцев, нервно теребивших пуговицу пиджака, Грачик понял, что молодой человек смущён и не знает, что сказать, или не решается **выговорить правду*** (Н.Н. Шпанов. Ученик чародея (1935– 1950)).

*Но я себя преодолела, решив **высказать всю правду*** (В.Я. Брюсов. Последние страницы из дневника женщины (1910)).

Как видно по этим примерам, генерируется семантика «правды как ценности», а не «правды как правдивой информации касательно чего-то конкретного», что является естественным при реализации модели ДЕЯТЕЛЯ, поскольку подразумевается преодоление значительно более существенного сопротивления, нежели только лишь желания сохранить что-то «закрытым» (тайным).

Как уже было отмечено, критерий ДЕЯТЕЛЯ не чужд китайскому языковому сознанию, его след можно обнаружить и в возможностях конструировать перемены нефизического характера, главным образом, перемены в состоянии человека при сочетании 出 (chu) с 走 (zou – идти): 走出危机 zouchu weiji (走出 + кризис), 走出低 迷 zouchu dimi (走出 + спад), 走出困惑 zouchu kunhuo (走出 + растерянность). Как мы видим, во многом 走出 эквивалентен *выйти* (*выйти из сложного положения, из стресса, из заблуждения* и т.п.), т.е. преодоление состояния, обусловленного сложностями и трудностями, освобождение от угнетенного, болезненного, ненормального и неактивного состояния в китайском языковом сознании так же конструируется как «выход из замкнутого пространства». Однако, как и в случаях с перемещением в физическом пространстве, когда 出 (chu) указывает лишь на «выход» как на смену местоположения и не предполагает, что открытое пространство есть место для более свободного действия, при конструировании перемен состояния 出 (chu) указывает лишь на нормализацию состояния, а не подразумевается увеличение активности. Такие выражения, как *выйти из терпения, выйти из повиновения, выйти из-под контроля, выйти из диеты* не могут быть конструированы с помощью 出 (chu). Кроме того, 出 (chu) совсем нет возможности конструировать «выход в хорошее состояние», в то время, когда такая возможность у *выйти* достаточно широкая: *выйти на новый этап развития (на новый уровень); выйти на прорывные решения (на укрепление отношений; на конструктивный диалог); выйти на положительный результат (на старт; на рекорд; на плановую (полную) мощь)* и т.п. Таким образом, актуализация критерия ДЕЯТЕЛЯ в китайском языковом сознании все же «неполная», на первый план выступает лишь мета «предельность-круг» и корреляция «круг – ограничение», благодаря чему происходит уподобление «появлению в плохом положении / состоянии» «появлению в замкнутом пространстве». Более того, при применении *вы-* «преодоление» часто подразумевает «преодоление максимальных трудностей с максимальным усилием, с мобилизацией всех ресурсов, всего потенциала», о чем свидетельствует целая группа глаголов со значением «пережить

серьезное испытание»: *выжить, выстоять, вынести (горе), высидеть, вытерпеть, выстрадать*⁸. Не исключено, что это следствие определенного влияния корреляции «круг – максимальность» на восприятие и интерпретацию конструируемых с помощью *вы-* перемен. А актуализация критерия ДЕЯТЕЛЯ в китайском языковом сознании вовсе не приводит к порождению семантического признака «максимальность».

Заключение

Итак, применение данной гипотезы к рассмотрению языковых материалов приводит нас к тому, что «свобода» мозга при оперировании ментальной моделью движения **ВОВНЕ** невелика и ограничивается возможным варьированием позиции самого человека–субъекта познания. Сравнительный анализ полностью подтверждает зависимость семантики показателя направления от актуальных для определенного языкового коллектива модификаций модели движения. Рассматриваемые нами два показателя не эквивалентны и при конструировании перемещения в пространстве, и при конструировании перемен во времени. Во всех случаях характер неэквивалентности обусловлен исходной позицией для осуществления познания. Модификации модели, стоящие за 出 (*chu*), естественны для СУПЕРНАБЛЮДАТЕЛЯ, а за русским *вы-* – СУПЕРДЕЯТЕЛЯ. СУПЕРНАБЛЮДАТЕЛЬ смотрит на перемены со стороны, и ему важен, прежде всего, сам факт смены «местоположения (состояния)», а действия, приводящие к переменам, могут протекать естественным образом и сохранять свой обычный уровень интенсивности. Даже при актуализации критерия ДЕЯТЕЛЯ китайской вариацией модели движения **ВОВНЕ** конструируется лишь смена состояния, а не «приобретение возможности для более активной и успешной деятельности». СУПЕРДЕЯТЕЛЬ, будучи вовлеченным в процесс перемен, акцентируется на преодолении препятствия, что отражается не только превалированием вариации модели ДЕЯТЕЛЯ для русского показателя *вы-*, но и заметной ролью мет «предельность-круг» и «процессуальность» в вариациях, когда актуализируются критерии НАБЛЮДАТЕЛЯ и ЭКСПЕРИЕНЦЕРА.

Не менее важно и другое. Наш анализ также показал, что интерпретация воспринимаемого при нахождении человека-субъекта познания в определенной позиции не отличается своей сутью. Будучи НАБЛЮДАТЕЛЕМ человек интерпретирует «закрытое» как «источник», «ресурс» и «потенциал», а «открытое» – как «доступное для восприятия»; будучи ЭКСПЕРИЕНЦЕРОМ человек строит корреляцию «закрытое – свое» и «открытое – не свое», при фокусировании на открытом генерируется идея об «увеличении доступности чего-то», при сохранении «закрытого» в фокусе внимания – идея о «лишении»; будучи ДЕЯТЕЛЕМ, человек склонен давать отрицательную оценку «закрытому», положительную – «открытому». Частичная эквивалентность между 出 (*chu*) и *вы-* и есть отражение общности этих корреляций, совпадения в понимании тенденции движения **ВОВНЕ** и зависимо от этой тенденции характера перемен. Если столь разные этносы с разными культурами демонстрируют такое единство в видении, то «конгруэнтность» интуитивного умозаключения у индивидов, обеспечивающая

⁸ В «Грамматике русского языка» значение этих глаголов толкуется как «выдержать что-н., протерпеть в течение какого-н. времени, совершая действие, названное мотивирующим глаголом» [Русская грамматика 1980: 357], т.е. толкование осуществляется с помощью глагола из этой же группы – выдержать. Очевидно, точную семантику, генерируемую определенной ментальной моделью, часто невозможно воспроизводить, не прибегая к применению этой же модели.

понимание семантики определенного показателя направления движения родного языка при его употреблении в различных ситуациях, – не загадка, а закономерность. Для этого достаточно синхронизировать исходную позицию для осуществления познания. А сама синхронизация позиции в ходе тесного взаимодействия – дело вполне реальное, учитывая прирожденную склонность человека к кооперации⁹.

Естественно, проведенное нами исследование двух показателей можно считать лишь сугубо предварительным результатом проверки нашей гипотезы. Но этот результат внушает нам определенный оптимизм. Как мы видим, разнообразие и уникальность семантики могут быть следствием простого фактора. Соответственно, познание созидательного потенциала человеческой когниции путем выявления набора актуальных ментальных моделей на основе сопоставления семантики – задача вполне выполнимая.¹⁰

© Цзинь Тао, 2022

Литература

Акопов Р.Н. Теория мозга: формирование высших функций головного мозга человека. М.: Изд-во Триумф, 2017. 86 с.

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 491–501.

Асмус В.Ф. Проблема интуиции в философии и математике. М.: Мысль, 1965. 312 с.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. 480 с.

Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж, 1993. 196 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.-Л., 1934. 324 с.

Добрушина Е.Р. К вопросу семантической целостности русских глагольных приставок // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 31–43.

Залевская А.А. Динамика общенаучных подходов к проблеме знания и некоторые задачи психолингвистических исследований // Вопросы психолингвистики. 2007. №5. С. 4–12.

Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы её представления. М.: Языки славянской культуры, 2006. 672 с.

Кравченко А.В. Эпистемологическая ловушка языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 3 (41). С. 14–26.

Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

⁹ Современные исследования в области филогенеза языка и речевого онтогенеза показывают, что возникновение языка и освоение ребенком языка не было бы возможным без прирожденной склонности человека к кооперации [Tomassello 2008]. Мы предполагаем, что благодаря этой склонности и происходит синхронизация позиции познания.

¹⁰ Конкретные примеры на русском языке в статье приводятся из Национального корпуса русского языка. Конкретные примеры на китайском языке в статье приводятся из Базы данных языковых материалов Центра исследования языка при Пекинском университете.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: КРАСАНД, 2014. 312 с.

Люй Шусян. Сяньдай ханьюй бабай цы. Восемьсот слов китайского языка. Пекин: Изд-во Шану, 1990. 760 с. (на кит. яз.)

Лю Юэха. Цюйсян буюй тунши. Толкование дополнительных элементов направления. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 1998. 704 с. (на кит. яз.)

Рукодельникова М.Б. Глаголы перемещения в воде в китайском языке // Глаголы движения в воде: лексическая типология / ред.-сост. Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина. М.: Индрик, 2007. С. 595–617.

Субири Х. Чувствующий интеллект: Интеллект и реальность / Пер. с исп. Г.В. Вдовиной. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 304 с.

Цзинь Т. Русская приставка о- / об- как реализация трех моделей движения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 59. С.110–140. doi: 10.17223/19986645/59/7

Цзинь Т. Европейская и китайская лингвистические традиции как вариации мировидения // Язык и культура. 2020. №49. С. 120–137.

Johnson-Laird, P.N. Mental models: Towards a cognitive science of language, inference, and consciousness. Cognitive Science Series, 1983. vol.6. Cambridge.

Tomasello, M. Origins of Human Communication. The MIT Press. 2008.

Список источников

Базы данных языковых материалов Центра исследования языка при Пекинском университете. URL: www.ccl.pku.edu.cn (дата обращения 01.08.2020).

Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 01.08.2020).

Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. URL: www.efremova.slovaronline.com (дата обращения: 01.08.2020).

Русская грамматика. Том I. М.: Наука, 1980.

Сяньдай ханьюй цыдянь. Словарь современного китайского языка. Пекин: Изд-во Шану, 1997. 1722 с. (на кит. яз.).

Толковый словарь Д.Н. Ушакова. URL: www.usakovdictionary.ru (дата обращения: 01.08.2020).

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова. URL: www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm (дата обращения: 01.08.2020).

Ханьцзы юанлю цыдянь. Этимологический словарь китайских иероглифов. Пекин: Изд-во Хуася, 2003. 863 с. (на кит. яз.)

Ханьюй дунцы юнфа цыдянь. Словарь по употреблению глаголов китайского языка. Пекин: Изд-во Шану, 1999. 495 с. (на кит. яз.)

Цыхай. Энциклопедический словарь. Шанхай: Изд-во Цышу, 1989. 2572 с. (на кит. яз.)

Шовэнь цзецзы. Происхождение китайских иероглифов. URL: www.cidianwang.com/shuowenjiezi/chu353.htm. (Дата обращения: 01.08.2020).

Сведения об авторе:

Цзинь Тао – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов.

Контактная информация:

117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, дом 6

ORCID: 0000-0003-1949-8817

email: tszin_t@pfur.ru

Для цитирования:

Цзинь Тао. Семантика как продукт оперирования ментальными моделями (на примере показателей направления *вовне* в русском и китайском языках) // Вопросы психолингвистики № 3(53) 2022, С. 107–27, doi: 10.30982/2077-5911-2022-53-3-107-127

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-53-3-107-127

Research article

**SEMANTICS AS A PRODUCT OF MENTAL MODEL OPERATION
(ON THE EXAMPLE OF MOVENT DIRECTION OUTWARD IN THE RUSSIAN
AND CHINESE LANGUAGES)**

Tszin Tao

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract

The article critically evaluates the postulate about «semantic shifts» and puts forward a hypothesis about the mechanism of generating semantics as a manifestation of the brain's ability to create mental models and operate with them. The hypothesis is based on a number of modern concepts about human cognition and aims to explain the non-equivalence of indicators for the same direction of movement from different languages and the causality of the «congruence» of inference in individuals when they use a certain indicator of direction in their native language. The hypothesis is tested on the example of direction indicators OUTWARD 出 (chu) and вы-. Dictionary definitions, existing research on semantics description for both indicators, data from the Russian National Corpus, and data from Beijing University's Center for Chinese Linguistics Corpus serve as the materials of research. The main methods are comparative analysis and deduction. Three criteria of contraposition of spatial closedness/openness are distinguished in the OUTWARD movement model: OBSERVER criterion, based on visual perception; EXPERIENCER criterion, based on the environment's impact on the self as passive recipient; and DOER criterion, based on the perception of obstacles to freedom of movement. The results demonstrate that the semantics of both indicators depend on the corresponding modifications of the model. The nonequivalence of the two indicators is caused by a clear cognitive preference in the choice of the initial position. The modifications of the model for 出 fall under the category of SUPEROBSERVER emphasizing the change or contrast in "location" or "condition." The modifications of the model for вы-,

in contrast, fall under the category of SUPERDOER, and focus on overcoming “limitation” in the path of movement. It is also shown that across different cultures, there is consensus in the interpretation of what is perceived when actualizing a certain position of cognition. An OBSERVER position interprets INSIDE as “imperceptible” – a “source”, “resource” and “potential”, and OUTSIDE as “perceptible”; an EXPERIENCER position builds correlation that INSIDE denotes SELF and OUTSIDE denotes NON-SELF; a DOER position is prone to associate negative connotations with INSIDE and positive connotations with OUTSIDE. This result allows us to conclude that the “congruence” of the understanding of semantics in individuals within one language group is achieved by synchronizing the initial position of cognition in the course of their interaction.

Keywords: cognition, semantics, mental model, nonequivalence, variability

© Tszin Tao, 2022

Bionote:

Tszin Tao – Ph.D. of Philology, Associate Professor of the Department of foreign languages, faculty of Humanities and social Sciences, RUDN University.

Contact information:

6, str. Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russia

ORCID: 0000-0003-1949-8817

e-mail: tszin_t@pfur.ru

For citation:

Tszin Tao (2022) Semantics as a product of mental model operation (On the example of movement direction outward in the Russian and Chinese languages). *Journal of Psycholinguistics*. 3(53) 2022, P. 107–127. Available from doi: 10.30982/2077-5911-2022-53-3-107-127 (in Russian)